

Пролог

Остров Мулл, Шотландия, 1799 год

Молодой человек, сидевший в углу продымленной таверны, пил в одиночестве. И не только в том смысле, что он был один, — от жителей острова его отделяла непреодолимая стена, почти физически ощутимая. С тех пор как Красавчик Чарли привел кланы на поле при Каллодене, где их разгромили, прошло более пятидесяти лет, но у шотландцев хорошая память, а этот человек явно был богатым англичанином. Хотя шотландцы славилась своим гостеприимством, ни у кого не возникало желания искать общества этого человека, тем более что взгляд его холодных серых глаз вовсе не располагал к общению.

Достопочтенный Джервейз Бранделин несколько не возражал против одиночества — напротив, он его предпочитал. Чуть поморщившись, он допил остатки неразбавленного шотландского виски. Напиток обжигал горло, хотя это был уже далеко не первый глоток. Ни в самом напитке, ни в его действии не было ничего утонченного, однако Джервейз, проживший месяц на Шотландском нагорье и ближайших островах, стал к нему привыкать. В воздухе таверны витали запахи, характерные для фермеров и рыбаков, и еще чувствовался запах горящего торфа.

Оглядев зал с низким потолком и перехватив взгляд горничной, Джервейз подал знак, чтобы ему принесли еще порцию виски. Он сознавал, что пьет слишком много, но после целого дня скачки под непрерывным дождем ему хотелось тепла и уюта. На эту таверну он наткнулся неожиданно. Таверна принадлежала англичанам, и хозяйева сумели создать здесь атмосферу настоящего, не шотландского гостеприимства. Служанка направилась к нему, покачивая бедрами. Она могла бы с самого начала оставить на его столе бутылку виски, но тогда у нее не было бы предложения продемонстрировать свои прелести. И каждый раз, когда она наливала ему виски, ее лиф опускался все ниже, а покачивание бедер становилось все более откровенным.

— Не желает ли ваша светлость чего-нибудь еще? — спросила девушка, явно готовая на все.

Джервейз ответил ей едва заметной улыбкой. Наслаждаясь теплом, растекавшимся по телу, он был настроен весьма благодушно. Их флирт, если это можно было так назвать, развивался на протяжении последних двух часов. (Боннер, слуга Джервейза, обычно упоминал, что его хозяин является наследником виконта Сент-Обина, что обеспечивало особое уважение и гостеприимство как для хозяина, так и для его слуги.)

— А что еще ты можешь предложить? — поинтересовался Джервейз, отбрасывая назад свои черные волосы. К счастью, они наконец-то высохли. А ведь он уже начал задаваться вопросом, бывает ли хоть что-нибудь на Гебридах когда-нибудь сухим.

Служанка не спешила с ответом. Наливая ему виски цвета темного янтаря, она слишком уж низко наклонилась, и ее полные груди задели его щеку и плечо. Почувствовав мускусный запах не

слишком чистого тела, Джервейз невольно поморщился: он предпочитал более утонченных шлюх, — но у него уже несколько недель не было женщины, а эта явно была доступна, к тому же — недурна собой. Он провел ладонью по ее округлому бедру, и она в ответ обольстительно улыбнулась, уверенная в своей привлекательности.

— У нас тут есть все, что вы только можете пожелать, ваша светлость.

Джервейз опустил взгляд на низкий вырез ее лифа: полные груди девушки, наполовину открытые, выглядели как готовые к сбору зрелые плоды.

— Неужели все?

— Да, все, — кивнула служанка, явно обладавшая и опытом, так что ночь с ней обещала быть приятной.

Под гул голосов и звяканье кружек Джервейз громко спросил:

— Ты знаешь, в каком я номере?

— Да, ваша светлость.

— Как долго тебе еще здесь работать?

— Еще час, милорд. Стоит ли мне потом прийти к вам?

Этим вопросом девица будто намекала: хотя высокие темноволосые мужчины вроде него как раз в ее вкусе, однако она бедная работающая девушка и поэтому должна быть практичной.

Джервейз этого вопроса ожидал, и потому у него уже была наготове тускло сверкающая желтым монета. Он подбросил ее, и девушка, ловко поймав золотой, спрятала его, так что никто в таверне этого не заметил.

— Этого достаточно в качестве знака... моего уважения? — осведомился Джервейз.

— Вполне достаточно для начала. — Служанка улыбнулась, показывая крепкие неровные зубы.

Свою цену она явно завысила: больше, чем стоимость номера и ужина, — но Джервейз, будучи не прочь совершить эту покупку, приподнял стакан и с улыбкой сказал:

— Тогда до встречи.

Девушка ушла, картинно покачивая бедрами. Джервейз с удовольствием проследил за этим представлением, надеясь, что она сможет повторить такие движения в постели. Потом, разом ополовинив свой стакан, он решительно сказал себе, что эта порция будет последней, иначе он не сможет воспользоваться своей покупкой.

Весьма довольная собой, Мэгги Маклин наливала эль за стойкой бара. Ее кузина, посудомойка Бетси Маклин, пристально взглянула на нее.

— Что, Мэгги, договорилась с английским лордом?

Та с улыбкой кивнула.

— Да, я позже к нему зайду. Красивый дьявол, правда? И щедрый.

Бетси посмотрела в сторону англичанина. Спору нет, он хорош собой — худощавый и широкоплечий, лет двадцати с небольшим, одетый необычайно элегантно, но довольно просто, — такое сочетание редко встретишь в этом отдаленном уголке Британии. У него красивые правильные черты лица, но, по мнению Бетси, он какой-то... слишком уж суровый.

— Ну, не знаю, Мэгги... — Бетси пожала плечами. — Я видела его вблизи, и от этих холодных серых глаз у меня мурашки по спине пробежали. Можешь взять его себе. Мне больше по душе его слуга.

— И ты, Бетси, уже с ним потолковала? — спросила Мэгги, все еще не сводя взгляд со своей добычи.

— Да, мы с ним позже встретимся. Может, он не так много заплатит, но по крайней мере, когда он на меня смотрит, мне тепло, а не холодно.

Мэгги фыркнула.

— При чем тут тепло и холод? Этот красивый лорд всего лишь мужчина. Я знаю, чего он хочет, но для того, чтобы это получить, ему придется меня ублажить.

— Делай как знаешь. — Бетси снова пожалала плечами и вернулась в кухню.

Джервейз допил виски и решил ненадолго выйти — глотнуть свежего воздуха. Встав из-за стола, он почувствовал легкое головокружение. Вовремя он остановился: еще несколько порций — и валялся бы под столом. Дождь кончился, но в этих краях даже в середине мая в ночном воздухе чувствовалась пронизывающая сырость.

Выйдя наружу, Джервейз поежился. Он прошел с сотню ярдов до кромки воды и постоял, слушая тихий плеск волн на узкой полосе плоского галечного берега. Звуки же, доносившиеся из таверны, постепенно стихали — местные расходились по своим каменным коттеджам. Джервейз давно уже пребывал в легкой меланхолии, что было гораздо лучше, чем гнев, погнавший его прочь из Эдинбурга, подальше от отца. Теперь, оглядываясь назад, Джервейз понимал, что явно поторопился, сообщив лорду Сент-Обину, что его единственный сын и наследник купил комиссию в армию и собирается в скором времени отбыть в Индию. Сообщив эту новость слишком рано, он три недели подвергался непрерывным нападкам, пока они с отцом объезжали отдаленные владения виконта.

Виконт допускал, что для чьих-нибудь младших

и не столь ценных сыновей армия еще подошла бы, но для наследника несметного богатства Сент-Обина это не место. К счастью, деньги, унаследованные от матери, давали Джервейзу возможность поступать так, как ему заблагорассудится, и лорд Сент-Обин ничего не мог с сыном поделать — отца и сына связывали только родство и долг, а о какой-либо привязанности в их отношениях и речи быть не могло.

Джервейз наклонился, чтобы поднять несколько камешков, и, покачнувшись, едва не упал. Выпрямившись, он тихо выругался и дал себе слово, что впредь не будет забывать о крепости местного виски; он с самого раннего возраста ценил преимущества самодисциплины и вовсе не собирался терять над собой контроль из-за выпитого. И дело не в том, что в этом отдаленном уголке Гебридских островов таились какие-либо опасности: таковых он не заметил, — просто предпочитал держать свои слабости под контролем.

Как долго он простоял на берегу?.. Минут сорок пять? Час? Во всяком случае, было уже поздно — в таверне за его спиной царила тишина, — и следовало возвращаться в свой номер. Полногрудая служанка, наверное, его ждала.

После свежего ночного воздуха в таверне показалось ужасно душно. Когда же Джервейз, поднявшись по лестнице, попытался отыскать свой номер, у него снова закружилась голова. Черт бы побрал это виски! Да и все эти строения заодно... Постоялый двор на протяжении веков беспорядочно перестраивался, поэтому напоминал какой-то лабиринт с неровными полами и непредсказуемыми углами. Хозяин оставил для него в прихожей масляную лампу, и те-

перь, когда Джервейз шел с ней, на стенах мелькали и качались странные тени...

Стоя в коридоре на втором этаже, Джервейз довольно долго размышлял, в какую сторону идти. В поездке по Шотландии ему доводилось останавливаться и на других постоянных дворах, похожих на этот, и сейчас все они казались одним и тем же замысловатым строением. В конце концов Джервейз решил свернуть направо. Дойдя до комнаты в конце коридора, он кое-как вставил ключ в замочную скважину, но то ли ключ и замок были скверные, то ли сам он действовал слишком неловко, — во всяком случае, ему пришлось долго повозиться с дверью, прежде чем она наконец открылась.

При виде округлых очертаний женской фигуры на его кровати Джервейз воодушевился, тотчас же забыв о своих мелких неприятностях. Тревога, что виски могло понизить его способности, испарилась. Чувствуя предвкушение, Джервейз поставил лампу на небольшой столик возле кровати и быстро снял верхнюю одежду. Когда же скользнул под одеяло, оказалось, что служанка дремала. На ней была одна только тонкая льняная рубашка. Проводя ладонью по ее телу, Джервейз смутно осознал, что она сейчас казалась менее пышной, чем он ожидал. Зато она, похоже, помылась, и свежий аромат женского тела усиливал его возбуждение. Виски и похоть почти полностью отключили рассудочную часть его сознания, и Джервейз надеялся, что девушка скоро проснется. За деньги, которые заплатил шлюхе авансом, он, конечно, имел право рассчитывать на ее активное участие, тем более что внизу, в таверне, она казалась весьма охочей до таких развлечений. Задрал ее рубашку выше талии,

он с удовлетворением заметил, что она открыла глаза. Джервейз наклонился над ней, чтобы поцеловать — ее мягкие губы тотчас открылись под его губами, — но реакция девушки была какой-то вялой, к тому же... почему-то не чувствовалось опыта. Он провел рукой у нее между ног, и она на мгновение точно одеревенела, но потом вдруг начала энергично двигаться, воспламеняя Джервейза до такой степени, что он совсем потерял голову. Он стал целовать ее в шею, но девушка почему-то завизжала. Сначала не очень громко, но затем так пронзительно и так близко от его уха, что он невольно отпрянул. «Надо было как следует ее разбудить», — подумал Джервейз. Стараясь успокоить девушку, он произнес:

— Милая, расслабься, это всего лишь я. Давай по-тише, не то разбудишь весь постоянный двор.

Поцелуй казался единственным надежным способом ее утихомирить, и он снова попытался ее поцеловать, но она отвернулась от него и снова завизжала. Тут Джервейз осознал, что женщина под ним очень уж худая, ее тело совсем не походило на зрелые округлости той служанки. И в тот момент, когда он наконец-то понял, что произошла ужасная ошибка, дверь распахнулась и раздался гневный голос:

— Грязные развратники!

Джервейз вздрогнул и повернулся лицом к незваному гостю. В дверях комнаты стоял высокий костлявый мужчина, одетый во все черное. Ошеломленный произошедшим, Джервейз молча таращился на него. А тем временем в коридоре, за спиной незнакомца, появился хозяин постоянного двора со своей пышнотелой женой — оба в наспех надетых халатах, с выражением испуга на бледных лицах.

В комнате слышалось шумное дыхание человека в черном. В одной руке он держал свечу, в другой — пистолет со взведенным курком. Оружие уже само по себе взывало к осторожности, но еще бóльшую тревогу вызывали глаза этого мужчины: белки виднелись со всех сторон вокруг радужной оболочки, — а на его узком худом лице было выражение безумца... или яростного фанатика. Несколько мгновений, показавшихся нескончаемыми, он молча смотрел на молодых людей, лежавших в постели. Потом, обращаясь к Джервейзу, сквозь зубы процедил:

— Значит, ты клюнул на приманку этой шлюхи? Она, Мэри, была моим наказанием. — Мужчина в черном прошествовал к кровати; шотландский акцент придавал его словам какую-то особую силу. — Меня зовут Гамильтон, и я слуга Божий. Я старался как мог держать мою дочь в чистоте, но даже мои молитвы не могут спасти женщину, которая была проклята еще до того, как родилась на свет. Я видел, как она смотрит на мужчин, как они шныряют вокруг нее, принюхиваясь. Она как сука в течке — послана искушать мужчин им на погибель. Видит бог, я пытался уберечь ее от ее же собственной порочной природы, но с этим покончено. Теперь она твоя. — Он понизил голос до зловещего шепота и со злобным удовлетворением повторил: — Да, она твоя.

Гамильтон остановился возле кровати, да так близко, что на грудь Джервейза упали капли горячего воска его свечи. Как ни странно, наряд Гамильтона был одеждой джентльмена, несмотря на цвет и строгий покрой. Джервейз в растерянности заморгал, потом ущипнул себя за руку. Последние десять лет его мучили кошмары, и он на мгновение по-

думал, что все это очередной кошмарный сон. Но человек, называвший себя священником, с силой ткнул его дулом пистолета в грудь, и металл оказался слишком холодным и твердым, так что едва ли все происходившее могло быть сном.

— О да, мой прекрасный лорд, она твоя. — Эти слова прозвучали почти ласково, но потом священник вдруг взорвался: — Аристократ проклятый! Ты не мог сдержатъ свою похоть, и теперь она твоя на всю жизнь, во всей своей испорченности! — На губах Гамильтона появилась слюна. — Вы друг друга заслуживаете! — со злорадной усмешкой заорал он. — Да, заслуживаете! А я теперь смогу снова вести благочестивую жизнь!

От страха сознание Джервейза начало проясняться, а затем страх сменился яростью.

— Приятель, я понятия не имею, как эта женщина оказалась в моей постели, — заявил он. — Не беспокойся, с твоей маленькой шлюшкой ничего не случилось. Она такая же, какой была, когда я ее тут обнаружил. Если она твоя дочь — забирай ее отсюда немедленно.

Глаза фанатика вспыхнули, и он направил дуло пистолета прямо в сердце Джервейза.

— Ну нет, сын шлюхи, — сказал он резким жутковатым голосом. — Ты на ней женишься. Может, у нее душа потаскухи, но в глазах мира она невинна. — Безумец сделал паузу, потом с едким сарказмом продолжил: — Даже таким джентльменам, как ты, не позволено портить девушек благородного происхождения. Не моя вина, что ты поддался на ее хитрые уловки. Ты на ней женишься — и сделаешь это прямо сейчас, в этот самый час. И тогда я от нее освобожусь.

Тут в голове Джервейза словно что-то щелкнуло, и все в этом кошмаре прояснилось. Во всяком случае, он осознал два факта, которые никак не мог игнорировать. Во-первых, Гамильтон — совершенно безумный фанатик, одержимый человек. А во-вторых, он со всей хитростью безумца очень ловко устроил ловушку и застал его, богатого англичанина, в компрометирующей ситуации. Джервейз проклинал себя за глупость. Отец, не баловавший его вниманием, все же один совет постоянно повторял: главное в жизни — остерегаться ловушек. Богатые молодые мужчины, у которых похоти больше, чем здравого смысла, уязвимы к козням желающих получить долю от их богатства. Именно по этой причине Джервейз в своих похождениях ограничивался девушками не очень строгих принципов, вроде сегодняшней пышногрудой служанки, — девушки же из благополучных семей были опасны. А может, служанка участвовала в заговоре? Слишком уж смелой была она в своем заигрывании... А когда он проглотил наживку, ей оставалось только отойти в сторону. И, конечно же, она получила за это куда больше денег, чем за обычную ночь с мужчиной. А он, Джервейз, спяну не заметил подмену. Как-то раз в одном загородном доме с ним уже случилось нечто подобное, но тогда он был трезв, поэтому прогнал потаскушку еще до того, как их могла «случайно» обнаружить ее мать.

Джервейз посмотрел на девушку, из-за визга которой ловушка захлопнулась. Она очень хорошо играла роль оскорбленной девственницы. Ее лица не было видно за темной массой спутанных волос, из-под которых теперь доносились очень правдоподобные всхлипывания. И было ясно: всю эту историю от начала до конца спланировал ее отец. При виде

извращенного удовольствия от содеянного, написанного на лице безумца, Джервейза покинули остатки выдержки. Наплевав на последствия, он рванулся вперед, схватил обеими руками пистолет и резко повернул его, пытаясь вырвать из рук Гамильтона. Джервейз застиг священника врасплох и сумел завладеть оружием, однако курок оказался пружинный, и пистолет выстрелил в руках Джервейза. Пуля попала в кровать рядом с ним, но будь угол немного другим — угодила бы прямо в грудь. В тот же миг он скатился с кровати и вскочил на ноги; к счастью, панталоны он снять не успел. Его положение и так уязвимо, не хватало еще, чтобы его застали голым! Пистолет же был довольно дорогой и элегантный — с такими джентльмены ходили по наиболее опасным улицам Лондона. Весьма странный выбор для сумасшедшего на Гебридских островах... Джервейз швырнул пистолет в дальний угол спальни, чтобы он больше ни для кого не представлял опасности.

Но Гамильтон, даже разоруженный, не утратил самообладания, хотя его жертва теперь стояла на ногах. Глядя молодому человеку прямо в глаза, он резко проговорил:

— Ты от меня так легко не уйдешь! Ты скомпрометировал мою дочь, и тому есть свидетели, поэтому она твоя.

Джервейз отдал бы половину своего наследства, только бы иметь сейчас ясную голову. Взглянув на хозяина постоялого двора, мявшегoся в дверях, он твердо сказал:

— Ради бога, уберите от меня этого сумасшедшего.

Я не знаю, что за игру он ведет, но я не желаю

14 в ней участвовать.

Гамильтон тоже взглянул на хозяина и с усмешкой произнес:

— Хейс, входи же. Ты и твоя жена — вы будете свидетелями венчания.

Хозяин таверны и его жена нерешительно вошли в комнату, ужасно подавленные внезапным несчастьем, обрушившимся на их постоянный двор. В коридоре маячили еще какие-то люди, но они предусмотрительно держались на расстоянии.

Джервейз сделал глубокий вдох и с решительным видом заявил:

— Мы можем поговорить об этом утром. Я не могу жениться на девушке среди ночи.

— О нет, мой дорогой, это произойдет сейчас. — Глаза безумца смотрели на него непреклонно и даже с какой-то издевкой.

Джервейз ненадолго задумался. Возможно, сумасшедший клирик разыгрывал весь этот спектакль из-за денег, но он считал своим долгом преследовать нечестивцев. И скорее всего он действительно хотел избавиться от дочери, которую не любил и презирал.

— Если вы хотите денег за ущерб, нанесенный нервам вашей дражайшей дочери, я вам заплачу, — сказал Джервейз. Как ни претила ему мысль поддаться на шантаж, в сложившейся ситуации это могло быть самым мудрым выходом.

— Оставь себе свои грязные деньги! — с презрительной усмешкой заявил Гамильтон. — Искупить содеянное зло может только твое имя, ничто другое. — На его худом лице с ввалившимися щеками появилась гримаса злобного ликования. — В Англии ты бы не мог так быстро на ней жениться, там официальная церковь просто шлюха Рима, но здесь Шотландия. **15**